

Хэ Цзюэ засмеялся, тихо поддразнивая Цзин Шо:

— Так я твоя любовь? Как же мне неловко. Может, я останусь сегодня ночью, чтобы облегчить твою тоску?

Цзин Шо холодно посмотрел на него — всё его отвращение отразилось в этом взгляде.

Цзин Шо хорошо знал, что за человек его дядя Цзин И. Тот был улыбающимся тигром, который казался мягким и добрым, но на самом деле его слова могли легко перевернуть всё с ног на голову, посеять сомнения и разжечь вражду.

Зная, что Цзин И ещё не покинул дворец, он догадывался, что дядя пойдёт к Дуань Юньшэню, чтобы посеять зерно сомнения.

Эта мысль вызвала у него беспокойство.

Он не мог объяснить почему, но одна только мысль о том, что человек, который схватил за лезвие ради него, который украдкой целовал его, пока он спал, теперь будет сомневаться в нём и отдалится, вызвала в его душе неприятное чувство.

Хэ Цзюэ, будучи проницательным, уже заметил, что наложница Юнь занимает особое место в сердце Цзин Шо.

Пользуясь этим, он с любопытством подстрекал Цзин Шо забраться на крышу покоев Дуань Юньшэня.

Если Цзин И действительно попытается посеять раздор и преуспеет в этом, это обязательно проявится, когда Дуань Юньшэнь вернётся в свои покои. По крайней мере, он будет выглядеть взволнованным.

Их наблюдение с крыши было как раз кстати.

Как назло, они как раз услышали, как евнух Сяо Гоуцзы жаловался на то, что госпожа каждую ночь ходит к императору, и задавался вопросом, ценит ли он это.

Теперь Дуань Юньшэнь уже не обращал внимания на кошек на крыше, его мысли были заняты любовью Цзин Шо.

Если у этого тирана действительно есть любовь, то как же я буду продолжать целоваться с ним ради жизни?

Могу ли я сейчас подать заявку на роль его замены?

Дуань Юньшэнь вернул внимание Сяо Гоуцзы:

— А кто этот Хэ?

— Я недавно во дворце и никогда его не видел. Но я слышал, что второй сын генерала был известен в столице как вундеркинд, хорошо знал военную стратегию, и уже в десять лет мог проводить военные игры с отцом, старым генералом, демонстрируя таланты полководца.

Дуань Юньшэнь подумал: «Понял, завтра начну учить военную стратегию!»

— Изначально старый генерал хотел передать ему звание генерала. Но судьба была жестока,

однажды зимней ночью он упал в воду, и когда его нашли, он был почти замёрзшим. Его спасли, но здоровье было подорвано, он больше не мог держать меч, натягивать лук и стал инвалидом.

Дуань Юньшэнь подумал: «Может, мне тоже прыгнуть в озеро?.. Нет, лучше не стоит, а то утону».

— Теперь, когда он не мог стать военным, он мог бы стать чиновником, но после того, как его здоровье было разрушено, он впал в депрессию и стал праздным бездельником, проводя время за слушанием музыки и просмотром спектаклей.

Сяо Гоуцзы вздохнул:

— Тогда наш император был ещё принцем — и он не был таким безумным, как сейчас, он был добрым и усердным в учёбе. Старый генерал, чтобы помочь сыну оправиться от удара, отправил его во дворец, чтобы тот стал компаньоном принца. Так они и познакомились.

Дуань Юньшэнь слушал, разинув рот. Если бы его рука не была занята перевязкой, он бы, наверное, взял горсть семечек и начал щёлкать их.

Сяо Гоуцзы равномерно сыпал рану Дуань Юньшэня порошком, продолжая рассказывать, как Хэ Цзюэ и Цзин Шо признались друг другу в любви под луной, как они встречались на мосту, как Цзин Шо с тоской смотрел на подаренный Хэ Цзюэ пояс, а Хэ Цзюэ плакал до рассвета, когда Цзин Шо женился.

Дуань Юньшэнь подумал: «Это звучит знакомо. Кажется, тут смешано несколько традиционных сюжетов. А Хэ Цзюэ не бросил ли он свои сокровища в реку? И что за пояс?»

На крыше Хэ Цзюэ уже смеялся, упав в объятия Ворона, сдерживая смех, но его тело тряслось, а глаза смеялись до слёз.

Цзин Шо оставался бесстрастным, но, судя по всему, хотел отправить этого евнуха к Сян Июэ для «воспитания».

Дуань Юньшэнь обычно не держал себя как господин, общаясь с Сяо Гоуцзы на равных, и это позволяло евнуху иногда говорить слишком вольно.

Сяо Гоуцзы подвёл итог:

— Вы так стараетесь для императора, но это не стоит того. Лучше бы вы нашли другой путь, например, попытались угодить великой вдовствующей императрице.

Цзин Шо на крыше замер.

Среди всех слов евнуха только это попало в точку.

Дуань Юньшэнь был принцем царства Наньюй, и независимо от того, был ли он здесь как заложник или с какой-то миссией, Цзин Шо не был для него лучшим выбором.

По крайней мере, на первый взгляд.

При дворе были две влиятельные силы — великая вдовствующая императрица и князь Цзя. Цзин Шо был всего лишь марионеточным императором, и Дуань Юньшэнь, угождая ему, действительно не получал ничего.

Лучше бы он нашёл другой путь и другого покровителя.

Дуань Юньшэнь зевнул, прикрыв рот своей круглой лапой, и глубоко пожалел, что вообще начал слушать сплетни Сяо Гоуцзы. В то же время он небрежно сказал:

— Зачем искать другой путь? Путь императора вполне прямой и широкий.

Сяо Гоуцзы: «??»

— Моя ситуация особенная, у меня только один путь — император, других нет.

— Но... что же такого может дать император, чего не могут другие?

— Например... — Дуань Юньшэнь сделал паузу, полушутя, полусерьёзно сказал:

— У нашего императора неплохо получается целоваться, другие такого не дадут.

Сяо Гоуцзы застыл с открытым ртом, глядя на наложницу Юнь. Он подумал: «Так вот какая у нашей госпожи личность? Насколько же должен быть хорош этот безумный император, чтобы она так преданно за ним следовала? Это... это...»

В голове Сяо Гоуцзы начали возникать картины, как его госпожа была доведена до слёз жестокими играми тирана, но не могла остановиться. Учитывая, что у императора были больные ноги, позиция должна была быть с госпожой сверху...

Сяо Гоуцзы был настолько смущён этой картиной, что хотел зарыться в землю от стыда.

Дуань Юньшэнь спросил:

— Я не знаю, что ты сейчас представил, но немедленно прекрати!

Сяо Гоуцзы закрыл своё покрасневшее лицо:

— Я виноват!

Три «кошки» на крыше тоже замерли.

Цзин Шо, услышав это, почувствовал, как что-то внутри него словно обожглось — как будто замёрзшие пальцы вдруг коснулись чашки с горячим чаем.

Он сказал, что у него только один путь — император, других нет.

Мысли Цзин Шо начали путаться.

Возможно, это всего лишь шутка Дуань Юньшэня.

Может быть, у него действительно есть миссия в нашей стране, и его преданность — это всего лишь прикрытие.

Или же это полуправда о том, что он умрёт, если не будет целоваться каждый день.

Но... он сказал, что у него нет другого пути.

Хэ Цзюэ первым пришёл в себя и засмеялся:

— Эта демоническая наложница не зря тебе нравится, кажется, она довольно преданна.

Цзин Шо сохранял спокойствие:

— Это всего лишь слова. Красивые слова легко произносить, мы слышали их немало.

Хэ Цзюэ поднял бровь, думая: «Если ты считаешь это просто словами, то почему так нервничаешь?»

Цзин Шо смотрел на Дуань Юньшэня вниз. С этого угла он мог видеть только его макушку.

Кудрявые волосы, одежда евнуха — он даже не мог разглядеть его лицо, только высокий нос.

Цзин Шо смотрел и вдруг подумал: «Если это ложь, или если он выберет другой путь, я сделаю всё, чтобы заставить его пожалеть о том, что он вообще появился в этом мире».

Мысли Цзин Шо были жестокими, но он не мог оторвать глаз от этого человека.

Дуань Юньшэнь уже забирался на кровать, он был смертельно уставшим.

Уже была глубокая ночь, и после всех этих дней, проведённых в беготне к Цзин Шо, усталость была естественной.

Он скинул сапоги и залез под одеяло, а Сяо Гоуцзы поспешил помочь ему раздеться.

<http://bllate.org/book/16211/1455534>